

DOI 10.25991/VRHGA.2019.20.3.057

УДК 37.013.2

*Д. К. Богатырёв**

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА: ГЕНЕЗИС И ГОРИЗОНТЫ

Статья посвящена концепции ценностно-культурологической педагогики, разработанной и реализуемой Русской христианской гуманитарной академией на протяжении уже 30 лет. В статье обозначены исторические, социальные и интеллектуальные установки концепции, опирающейся на достижения мировой мысли, а также перспективы дальнейшего развития ценностно-ориентированной образовательной модели с учетом факторов глобализации, цифровизации и постсекуляризма.

Ключевые слова: образование, культура, ценности, религия, человек, мышление, секуляризм, университет, гуманитаристика.

D. K. Bogatyrev

VALUE-CULTURAL PEDAGOGY: GENESIS AND HORIZONS

The article is devoted to the concept of value-cultural pedagogy, developed and implemented by the Russian Christian Academy of Humanities for 30 years. The article outlines the historical, social and intellectual foundations of the concept based on the achievements of world philosophy as well as the prospects for further development of value-oriented educational model taking into account the factors of globalization, digitalization and post-secularism.

Keywords: education, culture, values, religion, person, intellection, secularism, University, Humanities.

Непосредственным поводом для написания статьи стало тридцатилетие Академии. Соответственно, первая ее часть будет посвящена истории социокультурного и экзистенциального проекта, именуемого РХГА, какой она видится из точки нашего настоящего. Тематически близкие тексты периодически появлялись по прохождении каких-то значимых рубежей (см., например: [1; 6]). В них представлены несколько отличающиеся взгляды на ситуацию;

* Богатырёв Дмитрий Кириллович, доктор философских наук, профессор, ректор Русской христианской гуманитарной академии.

через десятилетие, очевидно, она будет выглядеть опять-таки по-другому. Вторая часть статьи будет посвящена концептуальному ядру этого образовательного проекта — ценностно-культурологической педагогике. Именно она обеспечила уникальность места РХГА в российской высшей школе и создала предпосылки для превращения Академии в компактный исследовательский университет гуманитарной направленности. С учетом вышеназванных статей, мы не будем останавливаться на описании самой модели, сосредоточившись на ее социальных и интеллектуальных предпосылках. В третьей части будут контурно обрисованы перспективы дальнейшего воплощения этой образовательной модели с учетом уже ставших достаточно прозрачными и для России реалий глобализации, цифровизации и постсекуляризма. Части отличаются стилистически: первая — констатирующая, вторая — анализирующая, третья — размышляющая.

Вуз прошел путь от Высших гуманитарных курсов (ВГК) до регулярного учебного заведения — сначала института (РХГИ), потом академии (РХГА). Признание со стороны общества и государства приходило постепенно. Первая аккредитация — в 1999 г., статус «академии» — по результатам аккредитации 2004 г. Из Высших гуманитарных курсов вышли и другие образовательные проекты — Институт иностранных языков, Восточный институт, Эдукацентр, но у них свои истории. Изначальное ядро специальностей подготовки, реализовывавшихся в ВГК-РХГИ-РХГА, сохранялось на протяжении трех десятилетий: философия, религиоведение, теология, культурология, искусствоведение, филология (по профилям). К нему приращивались новые специальности и направления (например, психология в 1999 г.). Первоначально занятия проходили по вечерней форме (фактически это было очное образование во второй половине дня) по уровню специалитета и на условиях субаренды помещений средней школы. После переезда в 1998 г. в здание на наб. р. Фонтанки, д. 15, начался новый жизненный этап. С 1999 г. появилась дневная форма, а с 2000 г. — заочная. В 1999 г. была открыта аспирантура, в 2007 г. магистратура, а в 2009 г. уровень среднего профессионального образования, который в 2014 г. получил структурное оформление в качестве колледжа РХГА «Фонтанка, 15».

Ныне в составе РХГА три факультета, реализующие программы высшего образования: Факультет философии, богословия и религиоведения (ФБР), Факультет мировых языков и культур (МЯК), Факультет психологии и философии человека (ПФЧ), а Колледж исполняет функции факультета среднего профессионального образования. Все уровни реализации образовательных программ, от среднего профессионального до аспирантуры, прошли государственную аккредитацию. При такой развертке уровней и направлений, фактически приближающих РХГА к состоянию гуманитарного университета, вуз всегда оставался компактной по размерам образовательной организацией. Число учащихся редко опускалось ниже 500, но и не превышало 1000 человек. Факт, впрочем, не столь удивительный, с учетом того, что работа проходила в рыночных условиях (без бюджетных мест, спонсоров и целевых заказов от организаций) по специальностям, большинство из которых трудно назвать массовыми и популярными на рынке. Удивление скорее могут вызвать сам факт

подобной живучести нерыночного в рыночном, а также научные и опосредующие их культурно-просветительские достижения РХГА.

Вуз куда лучше известен в академической среде, нежели среди потенциальных абитуриентов. Причина академической известности — публикации в бумажной и электронной форме. Главным проектом, безусловно, выступает серия «Русский Путь: pro et contra». За четверть века (первый том — «Н. А. Бердяев: pro et contra» — увидел свет в 1994 г.) в серии подготовлено и опубликовано свыше 150 томов, многие из которых выдержали не одно переиздание. Поначалу тома серии выстраивались как концептуальные концентрации культурной памяти вокруг персон: философов, писателей, ученых, политиков и деятелей искусства. В последние годы получает реальное воплощение анонсированный еще в 1999 г. [2] и подтвержденный позднее [3] поворот от персоналий к реалиям. Под реалиями имеются в виду феномены культуры: идеологии (либерализм, социализм, анархизм, национализм, консерватизм), религии и конфессии (буддизм, иудаизм, ислам, христианство и его конфессии — православие, католицизм, протестантизм), войны и революции, формы государственности, ценности и универсалии. В качестве объемлющего горизонта столь разноплановых исследовательских тематик заявлено создание «Энциклопедии самосознания русской культуры».

Последние годы перманентно увеличивается доля представленности современных рефлексий в составах проектов «pro et contra». Эта тенденция вполне объяснима. В начале развития серии классические позиции были еще плохо освоены и даже порой неизвестны, а уровень современных дискурсов все-таки уступал классике. Сейчас он не только не уступает, но порой и интереснее. Заявленная в качестве объемлющего горизонта всего проекта цель выглядит амбициозной, но речь ведь идет об энциклопедии нового типа, открытой к пополнению и построенной в цифровом формате. В ходе работы над проектами «Русского Пути» РХГА создала свыше трех десятков инфоресурсов (например: научно-информационный образовательный сайт «Философская библиотека Средневековья» [8], подготовлен при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (РГНФ), грант РГНФ № 96-03-12112в; научно-информационный образовательный сайт «Философская библиотека Возрождения» [7], подготовлен при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (РГНФ), грант № 96-03-12112в; информационно-образовательный интернет-проект «Культурно-конфессиональная структура христианской цивилизации: православие, католицизм, протестантизм — социокультурный аспект влияния» [5], грант РГНФ № 00-05-12011в), посвященных персоналиям или феноменам культуры.

Публикации — следствие научно-исследовательской работы. Однако в отечестве с исследованиями и разработками дела обстоят не блестяще, есть даже мнение, будто крупнейшие ученые в области фундаментальных наук покинули страну еще в восьмидесятые-девяностые годы, а новая генерация ученых пока еще не продемонстрировала столь же признанных, как и советские достижения, результатов, хотя они, может быть, просто нами не осознаны. Не будем вдаваться в дискуссию, но в гуманитаристике ситуация явно не столь однозначна. Больших денег на гуманитаристику не требуется, секрета в получае-

мых исследователями результатах никакого нет, а интеграция с зарубежными университетами вполне удовлетворяется визитами и стажировками. Однако расцветом ситуацию в гуманитарных науках тоже не назовешь. Вводимые у нас сверху показатели цитируемости в имеющих международное признание сетях, призванные якобы интенсифицировать исследовательские процессы, отделив при этом думают по интернациональным лекалам «зерна» от «плевел» доморощенности, реальной ситуации не исправят, скорее — создадут новую ширму, скрывающую положение дел от трезвого анализа.

В любом случае, организация исследований на систематической основе неосуществима без финансирования. В нашей стране роль основного инвестора в науку продолжает исполнять государство, доля бизнеса пока малозначительна. Частный сектор научных и образовательных организаций доступа к регулярному бюджетному финансированию исследований не имеет. И это системная проблема (госсектор, правда, видит проблему в собственном недофинансировании). Отдельные исключения лишь подтверждают общее правило. Случай РХГА относится к их числу. Молодой вуз преуспел в проектной деятельности. Начиная с 1995 г. на базе РХГА было выполнено свыше 300 проектов различного профиля (исследовательские, издательские, проведения научных мероприятий, создания информационных систем), профинансированных государственными научными фондами — РГНФ, РФФИ, РФФИ, а также региональными структурами. Общие причины успехов: оригинальные темы, системность институциональных усилий, исполнительность в реализации принятых обязательств. Имеется и причина, не лежащая на поверхности. Сам способ организации исследований в РХГА проектный. Научные коллективы создаются под конкретные задачи с обозримым периодом исполнения, а при восстановлении на исследовательской повестке подобных задач, могут быть частично воссозданы. Способ, привычный для ученых Запада, а также последнее время и для азиатов, которые стремительно приближаются к первым по успешности и продуктивности. Для России основу продолжает составлять регулярное бюджетирование, тогда как в развитых странах до половины ресурсов на науку (по крайней мере, открытых) формируется на конкурентной основе.

Проект такого масштаба, как «Русский Путь», собственно говоря, и невозможно реализовать силами одного вуза, даже такого прославленного, как МГУ или СПбГУ. РХГА на протяжении четверти века успешно выполняла роль коллективного коммуникатора и фасилитатора сообщества российских ученых гуманитариев. Центром притяжения усилий и интересов стал «Русский Путь» — проект вроде бы частный, но в тоже время обладающий системностью в силу нацеленности на культуру как таковую. В целом, такой способ организации исследований соответствует информационной эпохе. РХГА обеспечивает и собственное регулярное финансирование научной деятельности, но без поддержки указанных фондов «Русский Путь» не состоялся бы в том виде, как он сейчас известен.

Однако главной причиной (целевой или хотя бы формальной, в терминах Аристотеля) и научных достижений, и социальной успешности вуза выступает та самая ценностно-культурологическая педагогика, которой посвящена

статья. Ее суть в системности, культурологичности и аксиологичности как образования, так и научных исследований. Именно таков проект «Русский Путь». Опубликованные книги и информационные ресурсы представляют собой финализации конкретных исследовательских траекторий, часто пересекающихся и дополняющих друг друга, обусловленных общей идеологической и методологической установкой.

* * *

Сам термин «ценностно-культурологическая педагогика» родился относительно недавно. Первоначально шла речь о концепции(или модели) целостного (или комплексного) гуманитарного образования. Целостному противостоит фрагментарное. Мы противопоставляли свою модель сциентистской, что тоже требует пояснения и уточнения. Всякое образование нацелено на изменение образа (формы, способа, структуры) человеческой жизни: профессиональных действий, поведения в обществе, мышления. Во всех уровнях и формах образования присутствуют все указанные элементы, но в разных пропорциях. Важнейшей задачей начального и общего образования является прививка социальных навыков и стереотипов, на них наслаиваются социальные, гуманитарные, научные, профессиональные компетенции. Среднее профессиональное образование требует научения действиям, преимущественно шаблонным, умению решать задачи в рамках моделей, не сильно задумываясь при этом о самой модели. На уровне высшего образования изучается и осмысливается сама модель, что, в конечном счете, должно приводить к ее усовершенствованию или замене. Высшее образование предполагает изменение мышления, т. е. работу с гештальтами, а не только с элементами. Мышление может быть направлено на изменение материального мира (инженерное или техническое образование), постижение его законов (естественнонаучное и математическое образование), познание общества и ценностей (гуманитарное образование), человека в его отношении к Богу (теологическое и религиозное образование). Мышление в указанных сферах будет опираться на, соответственно, схемы, концепты, идеи, смыслы и символы (речь идет о преимущественной опоре).

Сциентистская модель хорошо работает в сфере высшего технического (военного, инженерного) образования, в его массовых сегментах. Часть и целое, как известно, категории коррелятивные, отражающиеся друг в друге. Любой набор фрагментов предполагает целое как фон, пусть и слабо распознаваемый. Сциентистский подход берет за основу некий набор исторически состоявшихся фрагментов, принимая его в качестве догмы, а общенаучные, тем паче — обще-гуманитарные компетенции рассматриваются в качестве довеска. Говоря проще, отдельная наука является центром, тематически смежные науки — ближайшей периферией, а все остальные — это уже «дальнее зарубежье». Цель — сформировать «человека умелого», приученного думать быстро и точно, но в рамках схемы. Осознание схем — удел тех, кто получает фундаментальное образование. Советская система не только инженерного, но и военного, аграрного, медицинского, педагогического образования была в своих массовых сегментах построена по сциентистскому принципу. Хотя и не ограничивалась только им

по причинам идеологическим и идеократическим, а также и в силу хорошо сбалансированного общего среднего образования, прививавшего и социальные навыки, и гуманитарную культуру. Сциентистский подход, спроецированный в гуманитарную сферу, весьма проблематичен, он плодит историков, осведомленных о философии понаслышке, и психологов, знакомых с художественной литературой на уровне школьной программы. О религиозных идеях и символах речь и не шла, разве что в рамках «опиума для народа». Среднестатистический выпускник советского пединститута характеризовался указанными чертами, в университетах все-таки формировался целостный мировоззренческий горизонт. Но еще более важной представляется аксиологическая фундированность средней школы, реализуемая и через воспитательную работу, и через содержание образования, одним из столпов которого служили русский язык и русская литература, компенсировавшая на уровне ценностей отсутствие собственно религиозной составляющей. Концепция РХГА возникла в постсоветское время, поэтому важно понимание советских условий.

Целостное гуманитарное образование строится из примата гештальта над набором изучаемых фрагментов. Примат целого над суммой элементов задается на уровне целеполагания самой модели, тогда как реципиентами большинства исполнителей воспринимается как данность, не скрываемая и даже вполне открыто декларируемая. Цель высшего образования — научить человека мыслить, опираясь при этом на вполне определенные предметные содержания, полностью дисциплинарности избежать невозможно. Однако междисциплинарность и фундаментальность были и остаются признаками подлинной элитарности высшего образования. Именно так строился пятилетний процесс в лучших структурах. Отметим, в частности, Бауманку, Физтех им. Иоффе, некоторые факультеты МГУ и ЛГУ. Гуманитарное образование также преследует цель научить мышлению, но в нем можно выделить не только метапредметный уровень содержаний и интенций, но и метанаучный. Сверхцель высшего гуманитарного образования — помочь человеку стать личностью. На способствование личностному росту нацелены, каждая по-своему, семья, школа и церковь. Особенность университета в том, что там личностный рост, являющийся, по сути, задачей метанаучной, обеспечивается через изучение наук. Необходим метапредметный горизонт. Таковым для гуманитаристики выступает культура. Рождающийся в мир ребенок является личностью только потенциально. Индивид становится личностью, превращая в действительность заложенные в нем возможности, через усвоение коллективного духовного опыта, кристаллизовавшегося в достижениях мировой и национальной культуры. Таким образом, под гештальтом в целостном гуманитарном образовании подразумевается культура в ее историческом развитии. Мы в свое время (и это было весьма популярно) вели речь о «методе погружения в культуру».

В культуре как открытой саморазвивающейся системе, выделялись группы феноменов, специфически организованных по способам своего бытия и содержания (регионы сущего). Им соответствуют отрасли гуманитарного знания: событиям — история, художественным образам — литература и искусство, идеям и понятиям — философия, а символам, выстраивающим отношения к Абсолютному, — религиоведение и теология. Эти аспекты построения

и восприятия культуры как целого должны в идеале дополнять друг друга. Огромный исторический материал категоризируется путем выделения главного (событий, идей, образов) и разбивки по эпохам, а в логике удобства привязывается к учебным годам и семестрам. На этом общегуманитарном фундаменте, обеспечивающем возможность усвоения потенциально каждым учащимся основных достижений человеческого духа, строится профессиональная подготовка по той или иной специальности — психологии, философии, филологии.

Сказанное проясняет «культурологичность» нашей модели, а для усвоения ее аксиологической составляющей требуется обзор ее ближайших философских предпосылок. Самая очевидная из них — это «Феноменология духа» Гегеля, его учение о развитии, формациях, интеллектуальной преемственности, смысле образования. Наша педагогическая система близка старонемецкой, построенной на логике взаимосвязанных коллективно проходимых ступеней (российская дореволюционная и советская эпохи также ей близки). Она соответствует самой цели классического университета в Гумбольдтовском смысле. Исторические поражения, которые потерпели сначала Германия, а потом и СССР от англо-американского мира, а также глобализация, проблематизировали и Гумбольдтовский идеал университетского образования, и старонемецкую модель. Но об этом в последней части статьи.

Гегелевская модель исторического развития нами воспринята, но с весьма существенными дополнениями. Она линейна, европоцентрична, аксиологически ущербна, а в части финализации истории в некотором смысле даже наивна. Славяне, а следовательно, и Россия не относились Гегелем к числу «исторических народов». Философия истории после Гегеля как в Европе, так и в России предлагала другие схемы. Марксисты и позитивисты, при всей критичности к Гегелю, в определенных аспектах продолжают его подходы к пониманию истории и культуры. У Гегеля абсолютный дух фактически полностью имманентизируется культуре, у марксистов и позитивистов о трансцендентном речь вообще не идет. Сохраняется принцип развития от формации к формации: общественно-экономические формации у Маркса, аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество в постпозитивистской философии истории. При этом «локомотивами прогресса» мыслятся экономика или научно-техническая сфера. В обеих линиях отношение к религии критическое. Шпенглер отказался от линейности и европоцентризма, но и христианство предстало у него локальным историческим феноменом. Тойнби восстановил единство истории, но с учетом многообразия локальных цивилизаций, в котором восточнохристианская — от Византии до России — заняла свое особенное место.

Неокантианство, философия жизни, аксиология и экзистенциализм обосновали особую роль ценностей в познании и создании истории. В науках о духе (человеческом бытии в истории) мы всегда оцениваем. Познание происходит через подведение явлений не только под категории, но и под ценности. Так происходит потому, что сама история творится через аксиологический выбор, который осуществляется частью осознанно, а частью стихийно, как разумом, так и сердцем. Соответственно, возможны совершенно особенные времена, которые образуют стержень истории и сердцевину культур, в ней творимых. Таково, в частности, «осевое время» у К. Ясперса. О значении кайроса, разрыва-

ющего хронос явлением Иисуса Христа, и об эпохе Ренессанса писали многие. Важнейшим следует признать восходящее к К. Г. Юнгу открытие архетипов коллективного бессознательного, составляющих глубинные нерефлексируемые основания любой культуры.

Отечественная философия истории демонстрирует подобные ходы мысли, но с акцентированным интересом к российской специфике. Западники и славянофилы обозначили проблемное поле дискуссий, и варианты концепций на нем продолжают рождаться по сей день. Для их обзора в данном случае нет места. С. М. Соловьёв в свое время предложил христороцентричную модель истории, в которой европейская культура была представлена в двух основных формах — западной и восточно-русской, причем каждая из них демонстрирует, по мнению историка, черты исторической исчерпанности. Н. А. Бердяев предложил осмысление российской истории, в котором советский период сменил петербургский, в чем-то отвергая его, а в чем-то и продолжая. Эмиграция и зарубежные авторы предложили понимание квазирелигиозного характера советской цивилизации. В целом, аксиологические интенции ярче выражены в отечественной мысли, чем в западной. Русский религиозный идеализм — философская платформа ценностно-культурологической педагогики.

Прагматика построения учебного процесса требует относительно простой опорной схемы, тогда как сложные, не совпадающие и дополняющие друг друга концепции ее обоснования могут предполагаться в качестве фона. Мы сохраняем христороцентричную модель истории, но с учетом сформированной К. Ясперсом концепции «осевого времени» и без западнического атлантизма. Европоцентричность все-таки сохраняется, хотя общегуманитарные дисциплины завершающего курса подготовки посвящены российской культуре. Похоже на схему С. М. Соловьёва, но с учетом советского и постсоветского опыта.

Славянофилы задолго до Шпенглера предсказали закат Европы, подводя под это теологическое и культурологическое обоснования. Однако их замыслы о России остались мечтаниями, иллюзорность которых обнажила Революция 1917 г. Вся христианская культура вошла к концу XIX в. в системный кризис. Но дело не в католичестве или Реформации. Потрясения, которые испытал христианский Восток, оказались едва ли не большими, чем выпавшие на долю западных стран. Концептуальная метафора «постхристианского общества», авторство которой принято возводить к Тойнби, возникла не на голом месте. Популярная после Второй мировой войны, она стала утрачивать эвристический потенциал к концу столетия, а в XXI в. была вытеснена теорией постсекулярного общества, которая интегрировала элементы постхристианского концепта [4]. Даже если и постсекулярная гипотеза со временем уйдет из дискурсивного поля, сейчас она открывает новый горизонт восприятия духовной ситуации в современной культуре.

Вопрос о христианских, шире — религиозных (или квазирелигиозных — идеологических) основаниях культуры является аксиологически центральным. Ценностями часто называют конкретные вещи и феномены, культура из них, собственно говоря, и состоит. Но это не главное. Ценности суть аксиологические категории, аналог культурных универсалий. Культура без ценностей

и универсалий была бы подобна организму с отсутствующей нервной системой. Ансамбль ценностей и универсалий, фундированных архетипами культурного бессознательного, формирует культурный социокод, предопределяющий основную направленность экзистенциальных предпочтений внутри локальной цивилизации и конкретной эпохи. Именно религия придает ценности, используя для этого язык мифа, онтологическую устойчивость. Деструкция религиозной сферы нарушает символическую связь социокультурного континуума с трансцендентным, временного с вечным. Происходит перекодировка самой матрицы культурного бытия. Современное состояние аксиологического плюрализма, внешне напоминающего хаос, постмодернистами представляется некоей «нормой». Но это «норма» перехода, вектор которого открыт, хотя потенциальные сценарии просматриваются.

Ценностный аспект в нашей образовательной модели предполагает еще один уровень, помимо исторического и структурного, категоризации материала — собственно аксиологический. Христианство сознательно обозначается в качестве смыслового центра всемирной истории. Это, с одной стороны, задает шкалу оценок феноменов культуры, а с другой, требует осмысления системы ценностей, привнесенной в мир Евангелием, в других аксиологических контекстах — как религиозных (язычество, иудаизм, буддизм и др.), так и светских, включая варианты секуляризма разной направленности и жесткости. Сравнительно-религиоведческие или сравнительно-культурологические анализы допускают подобное, но как предмет изучения, а не элемент методологии. Конфессионально-ориентированные педагогические модели вообще, в большинстве своем, не предполагают сопоставления, разве что в качестве объектов критики чужого. В РХГА учат не навязывая. Обучение в Академии предполагает большой уровень личной свободы и ответственности. Может быть, это стремление к осмысленной свободе и ответственности выглядит романтично, как и желание построить вуз по заветам Гумбольдта, но ведь именно идеалы, будучи недостижимыми по существу, превращают человеческое существование в историю.

Постсоветскую эпоху можно рассматривать через призму постсекулярной гипотезы, которая предполагает конкуренцию религий и идеологий как между собой, так и друг с другом. В российской истории такие конкурентные ситуации были эпизодическими и кратковременными, их сменяли длительные периоды идеологической монополии со слабо выраженной оппозицией. Стабильность давала плоды, но и с завидной регулярностью приводила к застоям. Застой заканчивались потрясениями, которые выявляли внутреннюю деградацию элит, ответственных за сохранность идеологических ядер. В истории Запада была эпоха, которая инспирировала ситуацию многовековой идеологической конкуренции. За Ренессансом, ставшим символом секуляризации, последовала Реформация, реакцией на которую стала Контрреформация. Католицизм, протестантизм и гуманизм образовали смысловые контуры идеологической конкуренции малого «осевого времени» эпохи Modernity. Со временем менялась форма треугольника: секулярный гуманизм по-прежнему продолжает расширяться. В сфере образования возникла реальная конкуренция образовательных моделей — классической клерикальной, гуманистически-просветительской,

реформатской и иезуитской, которая пыталась бороться и с секуляризмом, усваивая его достижения, и с протестантизмом, не скатываясь при этом в Средневековье. Просветительская в конечном счете победила в масштабах цивилизации, но современность создана при участии всех факторов. Ведущие современные университеты Запада, большинство из которых были основаны церквями, ныне являются светскими. Место для теологии в них сохраняется, а в некоторых (католических и протестантских) присутствует, пусть и в ослабленном виде, религиозно-миссионерская составляющая.

Постсоветская ситуация идеологически подобна. Но основное направление формирует уже не религиозный, а идеологический (квазирелигиозный) конфликт, к которому подключаются (вполне согласно с постсекулярными теориями) собственно религиозные факторы. На фоне центрального для эпохи столкновения двух идеологических программ — социалистической и либеральной — имеют место образовательные проекты, построенные на искренней вере в оздоравливающее значение духовных ценностей. Вполне естественно, что наиболее известные результаты продемонстрированы в рамках доминантной конфессии — Православия. В рамках этих декларативно-конфессиональных проектов акцент делается не только на ценностно-фундированное образование, но и на религиозные практики, которые превращаются в значимые элементы внутренней среды обитания этих образовательных организаций. Порой этот элемент даже более значим, чем сам учебный процесс. Так в мире религиозно-индифферентного социума намываются островки православной культуры. Подобного рода проекты важны. Они воплощают духовный консерватизм, придающий обществу устойчивость. У таких подходов имеются сильные и слабые стороны. Возможно формирование сплоченных коллективов учащихся и учащихся, но потенциальная аудитория профессионально ограничена, стремление к качеству порой потесняется профессиональной выверенностью поведения, а молодой человек, выходящий в мир, часто оказывается не готов к встрече с ним. Прошлое (бессознательно приравниваемое к вечному или хотя бы лучшему) переносится в настоящее с очень незначительной долей модернизации. В экономическом плане такие проекты сложно вывести на самоокупаемость, но они понятны для меценатов и потенциальных спонсоров. Они не захватывают близкий по ценностным ориентациям, но пока еще не воцерковленный контингент, а ведь значительный сегмент современного общества составляют внеконфессиональные верующие.

Модель, которую реализует РХГА, довольно-таки близка той, которую в свое время предложили иезуиты [9]. Играем на поле противника по его правилам. Но там было движение из церкви в общество, а здесь из общества к церкви. Важнейшее отличие — отсутствие системной институциональной поддержки. Сходство заметно по параметрам аксиологической целостности образовательного процесса и социальной открытости, а в части готовности к межконфессиональному и даже межрелигиозному диалогу превосходит ее. Современная Россия является полиэтнической и поликонфессиональной страной, в которой выделяются (пока) религиозные и культурные доминанты — православно-христианская и русская. Укрепление социальной солидарности требует межконфессионального диалога и взаимопонимания, тогда как

акцентирование конфессиональной исключительности может генерировать социальные конфликты. Именно опора на ценности (не догматы и не ритуалы) создает платформу для такого диалога. В свое время иезуиты все-таки остановили Реформацию в Европе, а секуляризм — нет. Ныне религии являются потенциальными союзниками против секуляризма, уже не нарождающегося, а доминирующего.

Современный секуляризованный мир внешне выглядит религиозно индифферентным (скептическим) или антирелигиозно агрессивным (критическим), что реже. Но в обоих случаях внутренне — на уровне базовых аксиологических предпочтений — он представляет собой новую форму язычества. Ее особенность в отсутствии характерной для классического язычества религиозной символики — капищ, ритуалов, обрядов. Речь идет о поклонении языческим богам власти, эроса, богатства в “сердце и разуме”.

Константиновская эпоха, сущностью которой было превращение христианства в государственную религию, обладающую социальной монополией на научение ценностям, и как следствие — в идеологию, закончилась. Конечно, не смертью Константина Великого и даже не падением Константинополя. Окончательный итог подвела Первая мировая война. Оказалось, что общество осталось в глубинах культурного бессознательного языческим. Сожжение или потопление идолов в Днепре относится к феноменальному уровню культурного бытия. Уровень ноуменальный, закрепляемый ценностями и архетипами, сохранился, отодвинувшись в подполье культуры. Репаганизация, произведенная гуманизмом под внешней формой секуляризации, представляет собой продолжающийся процесс представления «человека из подполья» «человеком естественным». Однако новый человек, в отличие от прежнего язычника, обладает критическим мышлением, в т. ч. и по отношению к исторической практике христианских конфессий. Церкви несут свою долю ответственности за торжество секуляризма. Современного человека не загнать в церковь по приказу, а прямая пропаганда традиции обладает ограниченным миссионерским потенциалом. В наши дни в странах развитого мира люди социализируются через прохождение различных ступеней образовательной лестницы. Образование, особенно его гуманитарные элементы, не может не быть ценностно-ориентированным. Вопрос — какие ценности оно закладывает? В этом смысле система образования остается важнейшей ареной аксиологической конкуренции. Реевангелизация должна охватить и эту сферу культурного бытия, дело апостола Павла требует повторения в новых условиях. С одной стороны, они сложнее. Мир, в котором проповедовал апостол Павел, был все-таки религиозным, это облегчало перекодировку ценностной матрицы. С другой стороны, христианство проделало огромную работу. Оно перестало быть государственной религией, но христианская культура пока остается. Вопрос: «Что идет ей на смену?» — открыт.

Российская ментальность предрасположена к цельности мировоззрения. В философии это нашло отражение в концепциях живого знания славянофилов, цельного знания метафизики всеединства и софиологии, личностно ориентированного знания персоналистов. Даже марксизм с его концепцией общественно-экономических формаций ориентирован на целостное, пусть

и одностороннее понимание культурно-исторических процессов. В этом плане навязываемая России последние десятилетия аналитическая методология чужда не только православному богословию, холистичному по определению, и русскому религиозному идеализму, который стремился к целостности в ответах на вызовы секуляризма, но и марксизму.

Генезис той модели ценностно-культурологической педагогики, которая была фактически реализована в РХГА, в сущности свершился. Мы проанализировали ее социальные и ментальные предпосылки, указали на некоторые аналоги. Попробуем обсудить и перспективы. Обозначим для этого и мировые тенденции, и локальные российские условия, в которых эти тенденции продолжают.

Основные факторы, формирующие новизну современности, суть глобализация, цифровизация и постсекуляризм. По первым двум имеется консенсус, роль третьего мы постараемся обосновать. Все они дополняют друг друга, представляя аспекты единого процесса.

Глобализация — явление не уникальное. Империи стремятся к расширению, добиваясь материальных успехов не только силой, но и прививкой ценностей, которые должны для этого обладать притягательностью. Поэтому не все империи способны хотя бы к локальной глобализации. Эллинистический мир можно считать предглобализационным проектом. Самым успешным на сегодняшний день глобализационным проектом является христианский. Империи лишь воплощают его, искажая при этом. Существо же восходит к Основателю: «Я всех привлеку к себе» (Ин. 12: 32), поэтому «идите и научите все народы» (Мф. 28: 19). Аксиологически центральной в христианской глобализации является духовная свобода, высшим проявлением которой выступает любовь к Богу и к ближнему. Гуманизм предлагает два глобализационных проекта — либеральный и социалистический. Оба, по крайней мере на словах, стремятся к духовной свободе, но центр тяжести реально смещается к преобразованию материальных условий. Декларируется и любовь к человеку. Рай предполагается построить на земле и собственными силами, а грех в конечном итоге сводится к недоразвитости и к социальной неустроенности. Социалистический проект (в его радикальной коммунистической версии) пока проиграл.

Либерализм является лидером идеологической конкуренции, а страны, его продвигающие, — геополитической. Нынешний либерализм далек от классического, и даже от своего ближайшего предшественника периода от Второй мировой до Холодной войны. Будучи из трех базовых новоевропейских идеологий наиболее близким к христианству самой акцентуацией свободы, он ныне уже далеко отошел от своих христианских корней. Свобода в отрыве от Бога превращается в идол. У него несколько личин. Обычно говорят о вседозволенности, которая которая-де и фундирует гедонизм общества потребления. Но это неспецифически гуманистическая ипостась, стремление к удовольствию естественно для человека всех времен. Гуманизм внес идею свободы как творческого самовыражения в мире, когда критерием успешности выступает сам человек. Из этого, в частности, вытекает социальное переустройство, предложенное просветителями — права человека, разделение властей, верховенство закона.

Эти ценности социального уровня, бесспорно, привлекательны. Коммунистический лозунг «справедливости любой ценой» себя дискредитировал, а националистическая исключительность обречена на непонимание других. Однако либерализм интегрировал элементы проигравших социализма и национализма. Идея справедливости, но не любой ценой, а посредством законных демократических процедур, обеспечивает превалирование леволиберальных тенденций. Левацкие влияния подогревают критику религии. У центристов она всегда была умеренной, сводящейся скорее к антиклерикализму, а праволибералы, как правило, верующие или симпатизируют христианству по прагматическим соображениям. Либерализм между Мировой и Холодной войнами был защитником верующих от коммунистических и фашистских притеснений, получив все церкви в качестве союзников, а сейчас нужда в этом отпала. Современный либерализм все более начинает проявлять свою квазирелигиозную сущность, как это ранее случилось с социализмом и национализмом.

Очевидны и националистические элементы. Либерализм и национализм имеют общий корень борьбы буржуазии против феодализма, идеологической основой которого служил средневековый католический универсализм. Классический либерализм был создан англичанами и французами. Они же являются изобретателями расизма. Ныне либералы во главе борьбы против расовой дискриминации. Но в глубине ситуация сложнее. Цивилизационное лидерство — это «время белого человека», которое смогли вынести только англоговорящие народы. В награду за это из них будет образовано ядро «золотого миллиарда».

Либерализм изначально был идеологией буржуазии, причем в большей степени финансовой, обреченной на интернационализм, нежели промышленной. Уже в XX в. вывод капитала стал преобладать над вывозом товаров. Постиндустриальная эпоха создает для этого невиданные ранее условия. Современная глобализация движется лево-либеральными ценностями, информационными технологиями и мировыми деньгами во главе с лидирующей валютой.

Философским выражением духа либерализма являются позитивизм, прагматизм и (в большей степени для Европы) экзистенциализм, а ближайший социально-этической позицией — утилитаризм. Их картины мира строятся на убеждении (можно назвать его аксиологической верой) о примате элемента перед системой, единичного перед общим, существования перед сущностью. Основную повестку формирует все-таки позитивизм. Грани между современным позитивизмом и аналитической философией трудно различимы. Сущности (ноумены) непостижимы, познание движется в явлениях, для освоения которых требуется дробление информации на некие базовые элементы (кванты информации, логические атомы). Между ними устанавливаются «терминологически строгие» связи, опора на которые дает возможность блочной комбинации элементов с целью достижения обозримых результатов. Метауровень можно назвать парадигмой, можно программой. Смена программ приводит к радикальным подвижкам разного масштаба. Очерченная эпистемология идеально соответствует цифровой эпохе.

Термин «цифровизация» акцентирует некоторые черты информационного общества. Литература, посвященная происходящей информационной

революции, огромна. Поэтому ограничимся некоторыми аспектами, важными в философско-педагогическом плане. Информация становится практически общедоступной, люди в ней даже захлебываются. Для ориентации в социуме требуется умение оперировать информацией по заданным схемам. Формирование схем (программ, моделей) — удел избранных. Цифровая культура вытесняет книжную. Восприятие оцифрованной информации опирается на видеоряд, навыки абстрактного мышления уходят на второй план. Мышление, как синтетическая деятельность на уровне смыслов и символов, связанная с освоением литературных и философских текстов, еще в большей степени проблематизируется. Чтение таких текстов предполагает внутренний диалог с автором, чему не способствует формат аудио и видео. Но если верить Ролану Барту и иже с ним, «автор умер». Оракулы постмодерна, вроде Мишеля Фуко, провозглашают смерть субъекта. Субъекты якобы суть комбинации дискурсов. Терминологический дизайн нов, но суть стара: поистине, как учил Демокрит, существуют только атомы и пустота. Атомистика и софистика, как известно, вполне коррелятивны.

Но ведь и дискурсы подобны молекулярным цепочкам информационных элементов. Искусственный интеллект вполне способен услужить нам, выполняя элементарные операции, — зачем подниматься пешком, когда работает лифт? Машинизация способствует атрофированию мышц, а информатизация — базовых ментальных навыков. Остается ли место в ежечасно виртуализируемой культуре для классического университета, или университет должен превратиться в информационный хаб? Виртуализируем ли Сократ? Если личность Сократа — набор дискурсов, то вполне. А если умений и транслируемых компетенций, то... тоже! Университет как виртуально-компетентностный хаб — это, конечно, не про «Лигу плюща». Ведущие университеты могут позволить себе приобрести не в их родных краях появившихся «Платонов и быстрых разумом Невтонов» для исполнения сократических функций. Для остальных — цифровизация и компетенции. Не попавшие в суперлигу образовательные организации будут производить такие элементы социальных систем, которые Герберт Маркузе назвал «одномерным человеком». Ранжируется и идеология образования. Исследовательский университет не построить только с помощью денег. Ценность свободы раскрывается в восходящем горизонте, как самореализация через творчество и познание, которые институционально реализуются через университет. Кто-то должен совершать открытия, готовить научные революции, создавать модели, платформы, одним словом, программировать будущее.

Реформа системы образования постсоветской России в основном состоялась. Заложены схемы для потенциальной эволюции отдельных элементов, но имеются и пока незаполненные лакуны. Результаты, если смотреть на перспективу, не самые утешительные. Но они — фактичны. На уровне государственной политики в области образования марксизм в конечном итоге был вытеснен позитивизмом. С учетом государствоцентричности отечественной культуры в целом и системы образования в частности, это очень существенный шаг на пути духовной колонизации страны (можно назвать это интеграцией в мировой порядок). Аналитическая традиция, органически вызревшая в англо-американской культуре, для России чужеродна. Поэтому реформы проходили

болезненно. Для российской ментальности характерны целостность и стремление найти смысл деятельности, трансцендирующий непосредственные результаты. Обломов таковой не обнаружил, а Штольц нашел — в этих самых результатах. Коммунистическая идеология предлагала сверхцели, став одним из факторов успеха системы образования. Однако прагматический (буржуазный) материализм экзистенциально логичнее марксистского: «будем есть и пить, ибо завтра умрем» (1 Кор. 15: 32), причем Павлов ответ «никак» уже исключен. Советская педагогика декларировала в качестве своей сверхцели создание человека-творца. Сам труд рассматривался в качестве разновидности творчества и ценности, расхваливался как «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Утилитаризм отбрасывает социалистическую мишуру, рассматривая труд как средство, а потребление как цель. Отреформированная постсоветская система образования готовит «цивилизованного потребителя». Для потребителя важно потребление, он будет минимизировать трудозатраты. В т. ч. и на учебу. Задача государства — минимизировать последствия такого эгоизма индивидов для общества и самого себя. Одаренных надо вылавливать и формировать условия для роста в образовательных резервациях, а массе создать не сильно обременительные условия для обозримых результатов. Образование должно быть шаблонным. Думать много не надо, важнее навыки и компетенции, которые в случае социальной или производственной необходимости можно достроить или перепрограммировать. Позитивистско-прагматическая философия для этого идеально подходит. Знание редуцируется к информации, образование к умению оперировать логическими атомами по заданным сверху схемам, осмысление которых не предусмотрено для получения результатов, этими схемами потенциально предполагаемых.

Компетентностная модель заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Она идеально подходит для среднего профессионального образования. В постсоветской России она стала тем «колхозом», куда насильно загнали всех. Нет спору — компетенции важны. Но в качестве центра в общем или высшем образовании они смотрятся как на корове седло. Цель зацикленного на компетенциях образования — производить догадливых и смышленных. Смышленость — качество полезное, но экзистенция им не исчерпывается. «Сыны века сего догадливее сынов света в своем роде» (Лк. 16: 8). В прокрустово ложе компетенций приходится втискивать традиционные для педагогики элементы. Так, личностный рост становится «личностными компетенциями». Выходит, что образовательная организация должна натренировать выпускника компетентно любить ближнего, Родину, а теологическая — еще и Бога.

Еще одной мантрой являются инновации. Образование — это в первую очередь освоение полученного опыта. Без его осмысления и оценки обновлять будет ничего, на выходе будут волшебники-недоучки, как в песне, исполненной А. Пугачёвой. Инновации без фундамента подобны «перманентной революции», лозунг который был провозглашен, но, к счастью, не реализован, Л. Троцким. Однако способность к новациям отнюдь не вырастает органически из компетентностно зацикленного образования. Скорее, наоборот, требует критического отношения к самим гештальтам.

Отсутствие осознанности схем, подогреваемое мантрами инновационности, создает иллюзию «открытости». Ей надо добавить целостности на аксио-

логическом уровне. Главным препятствием утилитаризму и постмодернизму в школе была русская литература. Ее изучение можно было развернуть в сторону выявления христианских ценностей, лежащих в основе воплощенных образов. В отдельных случаях так и происходило в постсоветское время. Но на системном уровне литература и русский язык как естественная среда ее обитания редуцированы к допустимому минимуму, подправлен и сам «круг чтения». Стандарты и, главное, система ЕГЭ закрепили реформы на институциональном уровне. Образование как таковое в большинстве государственных школ перестало быть самоцелью, цель — результат, измеримый в баллах, обучение оказывается средством его достижения. Как часто бывает, сначала сделали, а потом подумали. Выяснилось, что патриотизм с утилитаризмом плохо совместимы. Цивилизованный потребитель не будет совершать предательство Родины (сами эти понятия ведь не обладают однозначной семантикой). Он просто сделает рациональный выбор в пользу собственной выгоды. Пока нет горячего конфликта, это вроде бы не опасно. Всех действительно не переманить, но лучших можно. Интеллект продолжает утекать из России. США могут позволить себе готовить недоумков в собственных школах. Там и деньги, и условия, обеспечивающие импорт интеллекта. У нас нет.

Пришло осознание, что «без патриотизма нам не прожить». Но он должен быть не зоологически-шовинистическим, а духовным. Непосредственно близлежащая духовность — Православие. Церковь изъявляет готовность вернуться в школу, но этому препятствует светский характер государственного образования. Серьезным внешним обременением является поликонфессиональность постсоветского общества. В результате бурных дискуссий и освоенных бюджетов гора родила мышь. ОРКСЭ реализуется 1 час в неделю в течении 4-го класса средней (фактически начальной) школы. Конечно, меньше, чем при Победоносцеве, но имеются замыслы расширения на полную образовательную траекторию. Клерикальное жало в плоть секулярной по духу системы образования ситуацию не переломит, хотя дискомфорт создаст. Значимый для формирования картины мира контент основных образовательных программ уже смоделирован в позитивистском или материалистическом духе.

Высшая школа пожинает плоды средней. Среднестатистический абитуриент качественно изменился: снизилась общая информированность, мотивация в большой степени связана с формальными оценками. Хуже всего с синтетическими функциями мышления, которые тренируются самостоятельным письмом, предполагающим освоение сложных текстов. Мышление как синтез сводится к перекомбинированию заимствованных из Сети элементов.

Ведущим университетам все-таки удалось отстоять некоторую самостоятельность вступительных испытаний. Кроме того, именно они пожинают плоды ЕГЭ, пользуясь правом забора лучших. Многим университетам удалось сохранить фундаментальность подготовки, унаследованную от советского времени. Лидером в гуманитарной сфере является Высшая школа экономики, обладающая большими международными связями. На фоне других университетов вуз выделяется осмысленной идеологией (суть которой выражает название соответствующего фонда — «Либеральная миссия») и коррелирующей с ней корпоративной культурой. В научно-педагогическом сообществе именно ВШЭ

считается вдохновителем и разработчиком системных реформ, которым было подвергнуто российское образование. Наибольшая академическая мобильность (часто в одну сторону) свойственна именно ведущим университетам.

Негосударственный сектор несопоставим по ресурсам и политической поддержке с государственным. За истекшую пятилетку государство, используя механизмы формального права, сократило его более чем наполовину, что во многих случаях было оправданно. Но при этом вычистили не только слабое, ведь оригинальность формально есть разновидность девиантного. Аналогов ВШЭ по совокупности параметров даже не предвидится. Имеются продвинутые образовательные проекты, реализующие либеральную миссию, но с малым сегментом влияния — Шанинка, Европейский Университет в Петербурге. Православные вузы, по определению пророссийские, но по качеству либеральным образовательным проектам уступают. В постсекулярном обществе они играют роль «якорей консервативности». Креативный их потенциал проблематичен. Обладающий влиянием университет, реализующий идеологию «Русского мира», в России отсутствует. Нет и структуры (тем паче сетевой), дающей конкурентное образование на платформе ценностей, принимаемых традиционными религиями России. Здесь и проблема, и лакуна.

Зачистка образовательного пространства, на бюрократическом жаргоне именуемая «оптимизацией вузовской сети», не могла не коснуться и Академии. В 2013 г. в Санкт-Петербурге действовало 49 негосударственных вузов, имеющих государственную аккредитацию, и уже только 12 организаций — в 2018 г. Изменение среды обитания (отказ от специалитета, компетентностная модель, жесткое применение механизмов формального права) вынудило сократить удельный вес христианско-гуманитарной составляющей в содержании учебных программ. Тем не менее, пусть и в редуцированном виде, модель ценностно-культурологической педагогики продолжает действовать. Оптимизм внушает тенденция расширения доли вузовского компонента в учебном процессе, предусмотренная последними стандартами.

С учетом всего сказанного, вывод можно сделать вполне определенный.

Системным дефектом реформ, произведенных над образованием в России, следует признать, по нашему глубокому убеждению, редуцирование институциональных условий, настраивающих процесс обучения на поиск смысла. В погоне за производством компетентного работника, не создающего особых проблем ни для работодателя, ни для бюрократии, мы (точнее, будущие поколения) рискуем получить серьезные проблемы на личном и социальном уровнях. В социальном плане — патриотически индифферентного потребителя. В личностном плане вполне вероятно рождение такого поколения, для которого невроз (ноологический, в терминах В. Франкла) станет распространенным явлением именно в среде успешных потребителей. Нас манит успешность западной цивилизации. Но вспомним одного из ключевых ее мыслителей, к религии относившегося, кстати, неоднозначно. М. Хайдеггер сделал на склоне лет вывод, над которым следует задуматься: «Запад — это мышеловка, попав в которую, человек полностью утрачивает смысл жизни». Ценностно-культурологическая педагогика не в мейнстриме, не сообразна доминантным веяниям времени, поскольку нацелена на изменение мышления

через приобщение к духовным ценностям. Но она нужна как элемент идеологии просвещенного консерватизма. Христианский персонализм и творческий консерватизм все-таки могут быть востребованы в постсекулярном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырёв Д. К. Двадцать лет по Русскому Пути (к 20-летию образовательной деятельности РХГА) // Вестник РХГА. — 2009. — Т. 10, вып. 2. — С. 30–57.
2. Богатырёв Д. К. «Русский Путь»: от совокупности фрагментов к системе // Вестник РХГИ. — 1999. — № 3. — С. 5–10.
3. Богатырёв Д. К. Серия «Русский путь: pro et contra» как метод систематизации и распространения гуманитарного знания // Вестник РГНФ. — 2012. № 3(68). — С. 212–218.
4. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постхристианская гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник РХГА. — 2015. — Т. 16, вып. 3. — С. 95–109.
5. Культурно-конфессиональная структура христианской цивилизации: православие, католицизм, протестантизм — социокультурный аспект влияния. — http://christian.rchgi.spb.ru/about_project/
6. Русский христианский гуманитарный институт: концепция, программа, документы. — СПб.: РХГА, 2001.
7. Философская библиотека Возрождения. — URL.: <http://renaissance.rchgi.spb.ru/>
8. Философская библиотека Средневековья. — URL.: <http://antology.rchgi.spb.ru/>
9. Шмонин Д. В. О философии, богословии и образовании. — СПб.: РХГА, 2016.